
Цзянь Дань работал в сельском совете и прекрасно знал, что на черных «Ауди А6» просто так не разъезжают — это был негласный признак принадлежности к государственным органам. Имея за душой пару-тройку не самых чистых секретов, он невольно почувствовал, как в груди неприятно заняло, а сердце пустилось вскачь.

«Неужели... пронюхали?» — пронеслось в голове, пока он с опаской косился на блестящий автомобиль.

Пока он терзался сомнениями, из дома вышел Цзянь Аньжань.

— Второй дядя! Вторая тётя! Вы как раз вовремя!

— Жань-Жань... — Цзянь Дань натянуто, почти вымученно улыбнулся.

Его жена, Гао Цуйлань, выглядела не лучше. Она скривилась в гримасе, которая больше походила на предсмертную муку, чем на радость встречи.

— Крошка Жань-Жань, что же ты не предупредил, что вернёшься? Я бы хоть курицу зарезала, супчик сварила, подкрепиться тебе надо!

— Не стоит, — отрезал Цзянь Аньжань. — Я здесь ненадолго. Заберу кое-какие вещи и сразу уеду.

— Только за вещами?.. — Цзянь Дань заметно расслабился. Но, бросив взгляд на дорогую машину и водителя, застывшего в почтительной позе, он снова напрягся. — Послушай, Жань-Жань, а это что за экипаж? Откуда у тебя такие солидные знакомые?

— Это машина...

— Он учился в одном университете с моим племянником, — Ло Вэй вмешался прежде, чем юноша успел что-то придумать. — Я услышал, что он собирается в посёлок Цинши по делам, и решил подвезти по пути.

Узнав, что владелец «Ауди» — всего лишь родитель однокурсника, Цзянь Дань окончательно успокоился. Он привычным жестом выудил пачку «Чжунхуа» и с заискивающей усмешкой протянул одну:

— Не желаете ли закурить?

— Бросил.

Ло Вэй холодно проигнорировал жест, а затем перевёл взгляд на Гао Цуйлань, которая всё ещё притворно сокрушалась о незарезанной курице.

— Мы заберём вещи и уедем. На обед не останемся.

— Ну как же так... — заверещала Гао Цуйлань.

За свои сорок лет она впервые видела мужчину такой стати. Глядя на Ло Вэя, она почувствовала, как её давно похороненное девичье сердце вдруг робко встрепенулось.

— Раз уж вам так неудобно, проводите Сяо Цзяня в комнату, где хранятся вещи его матери, — Ло Вэй чеканил слова, не оставляя места для возражений. — В конце концов, это его законное наследство.

— Да-да, конечно! Без проблем! — закивала женщина.

Она повела Цзянь Аньжания через старую пристройку в их новенький двухэтажный дом. Цзянь Дань попытался было завязать разговор с Ло Вэем, подобострастно заглядывая тому в глаза:

— А вы сами... как по бабушке? Как величать-то?

— Фамилия моя Ло. Остальное вас не касается.

Тон Ло Вэя был ледяным. Поняв, что навязываться бесполезно, Цзянь Дань обиженно примостился на скамье и принялся угрюмо дымить.

Тишина, воцарившаяся во дворе, казалась почти осязаемой, пока из дома не донёсся истошный визг Гао Цуйлань:

— Ах ты, паршивец неблагодарный! Короткая же у тебя память! Волк в овечьей шкуре!

Ло Вэй мгновенно переменялся в лице. Не говоря ни слова, он стремительно направился к дому. Перепуганный Цзянь Дань бросился следом.

За десять минут до этого:

Цзянь Аньжань вошёл в спальню на втором этаже. Тётя, стараясь казаться радушной, усадила его на стул:

— Посиди, Жань-Жань, я сейчас всё достану.

Она открыла ящик туалетного столика, вытащила помятую жестяную коробку из-под лунных пряников и, бегло проверив содержимое, протянула племяннику:

— Вот, держи. Всё здесь, в целости и сохранности.

— Спасибо, тётя.

Аньжань принял коробку, но боковым зрением заметил, что женщина забегала глазами. Она явно что-то скрывала.

— Пойдите-ка, — он прищурился. — Бабушка говорила, что когда мама выходила замуж за папу, у неё было несколько дорогих украшений. А в этой коробке — одни бумаги. Ни одной серёжки нет.

— Твоя бабушка уже из ума выжила, старая совсем! — Гао Цуйлань попыталась отмахнуться. — Забыла всё на свете.

— Но на свадебных фотографиях, которые она мне показывала, мама была в золоте. И ещё...

— Сказала же — нет ничего! Ты всё путаешь! — Визгливые нотки в её голосе выдавали страх.

Аньжань понял, что играть в вежливость больше нет смысла. Он выпрямился, глядя тётке прямо в глаза.

— Тётя, мне уже восемнадцать. Я взрослый человек и имею полное право забрать всё, что принадлежало моим родителям. И украшения матери, и отцовскую сберкнижку!

— Что ты несёшь?! — Гао Цуйлань взорвалась, словно пороховая бочка, к которой поднесли фитиль. Она покраснела, а голос сорвался на крик.

— Я говорю, что хочу получить назад свои вещи!

Женщина затряслась от ярости. Когда Цзянь Пин погиб в той аварии, у него действительно осталась сберкнижка. Его жена ненадолго пережила мужа, скончавшись вскоре после родов. Тогда Цзянь Дань и его супруга, прикрываясь «заботой о сироте», прибрали к рукам всё: и деньги, и украшения. Они были уверены, что эти сокровища останутся у них навсегда. Прошли

годы, и Гао Цуйлань почти забыла, что эти вещи ей не принадлежат.

И вот теперь этот сопляк смеет требовать своё!

— Цзянь Аньжань, ты, дрянь неблагодарная! — заорала она на весь дом. — Уехал в город, три месяца ни весточки не подавал! А теперь заваливаешься сюда на чужой колыхаге и трясешь из нас деньги?! Да кем ты себя возомнил?! Посмотри на себя, ничтожество!

Аньжань поморщился от этого потока брани. Теперь он окончательно понял, почему прежний владелец этого тела предпочитал терпеть унижения в семье Ци, лишь бы не возвращаться сюда. Никто не рождается «тряпкой» — просто жизнь с такими родственниками способна сломать кого угодно.

Он спокойно дождался, пока она переведёт дух, и холодно произнёс:

— Тётя, не надо цирка. Просто верни мамины украшения.

— Нет у меня ничего! Понял?! И не надейся! Ах ты, паршивец короткоживущий! Ирод неблагодарный!

Её крик был таким пронзительным, что его услышала добрая половина деревни. Первым в комнату вошёл Ло Вэй, за ним — бледный Цзянь Дань. На пороге уже начали собираться любопытные соседи.

— Ой, что же это делается? Жань-Жань, ты чего с тёткой-то вздоришь? — запричитали бабы.

Гао Цуйлань, почуяв аудиторию, мгновенно сменила тактику. Она зашлась в рыданиях, размазывая слёзы по лицу:

— Люди добрые, вы же всё знаете! Как мы его растили, как родного сына! От себя отрывали, кусок последний отдавали! В университет отправили! А он в городе спутался с кем-то, испортился вконец! Теперь обвиняет нас, что мы его обворовали!

Она рухнула на пол, завывая:

— Жань-Жань, как же у тебя язык повернулся?! Мы же душу в тебя вложили! Денег-то сколько ушло: учёба, еда, шмотки, врачи... Всё до копейки на тебя тратили! А ты приехал и нож в спину?! Родители твои в гробу перевернулись бы, видя, каким волчонком ты вырос!

Деревенские переглянулись. Они знали, что Гао Цуйлань — баба прижимистая, но факт оставался фактом: Аньжань выучился и уехал в город. Содержать чужого ребёнка восемнадцать лет — дело накладное. Даже если они и взяли что-то из наследства, то наверняка

давно «отработали» это тратами на него.

— Сяо Цзянь, — подал голос кто-то из толпы, — дядя с тётей тебя на ноги поставили, это ведь тоже чего-то стоит...

Гао Цуйлань, видя поддержку, вцепилась в мужа:

— За что нам это, отец?! Растили змею на груди!

Цзянь Дань угрюмо молчал, насупившись. Аньжань ждал. Когда истерика поутихла, он сделал шаг вперёд.

— Дядя, тётя. Вы сами знаете, что вы забрали. Мне не нужны ваши деньги. Отдайте мне отцовскую сберкнижку — даже если там пусто. И верните вещи матери. Это единственное, что у меня от них осталось. Вы ОБЯЗАНЫ их вернуть.

В комнате стало тихо. Соседи снова переглянулись, и на этот раз их взгляды были иными.

— Слышь, Цзянь Второй, — кашлянула невестка семьи Ли, — парень-то дело говорит. Зачем вам чужая память? Отдали бы, да и дело с концом.

— Да уж, — поддакнула тётка Чжан, — Аньжань парень рассудительный. Верните ему родительское, и обид не будет.

Даже старая гадалка, притулившаяся у двери, прошамкала:

— Мертвых грабить — грех смертный. Богом прокляты будете.

Цзянь Дань побелел. Он попытался перевести стрелки на Ло Вэя:

— Господин Ло, видит бог, мы ничего не брали...

— Эти сказки рассказывайте ему, а не мне, — отрезал Ло Вэй.

Загнанный в угол Цзянь Дань долго мялся, глядя в пол. Наконец, он подошёл к туалетному столику и достал из потайного ящика старую сберкнижку и небольшую шкатулку.

— Вот книжка, — буркнул он, не глядя племяннику в глаза. — Золотое кольцо и цепочку твоей матери пришлось продать... время было тяжелое. Остался только этот нефритовый браслет — за него много не давали, вот и придержали.

Цзянь Аньжань, едва сдерживая дрожь в руках, принял вещи.

— Цзянь Аньжань! — вдруг выкрикнула Гао Цуйлань, которую перекосило от злобы. — Помни! Если ты сегодня переступишь этот порог с вещами, ноги твоей больше в этом доме не будет! До самой смерти!

<http://bllate.org/book/17539/1705263>